

К. Ю. Миронова

ГАВРИИЛ ОСИПОВИЧ
ГОРДОН
В ВОСПОМИНАНИЯХ
СВОИХ ДЕТЕЙ

Рассматриваются судьба и творчество русского неокантианца Гавриила Гордона на основе архивных материалов и воспоминаний его детей, позволяющих восстановить отдельные эпизоды его творческой деятельности.

The article is dedicated to the life and work of the Russian Neo-Kantianist Gavrili Gordon. The author addresses archive material and the memoirs of Gavrili Gordon's children, which allow reconstructing certain episodes of his creative work.

Ключевые слова: Гордон, неокантианство, культура, история философии, образование, воспоминания.

Key words: Gordon, Neo-Kantianism, culture, history of philosophy, education, memoirs.

В истории русской философии много незаслуженно забытых имен. К числу таковых относятся и некоторые ученики марбургской и баденской школ неокантианства, впоследствии составившие славу русской школы неокантианства. Одним из учеников Германа Когена и Пауля Наторпа был Гавриил Гордон – выпускник Московского и Марбургского университетов, личность незаурядная и, безусловно, достойная внимания исследователей. Гордон оставил богатое наследие – работы по философии (к сожалению, ныне утраченные), теории музыки, публицистические статьи, педагогические труды и воспоминания. На сегодняшний день большая часть биографических материалов, неопубликованные и неисследованные документы, машинопись неоконченных воспоминаний под названием «Повесть о моей жизни» хранятся в архиве Московского государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Гавриил Гордон представляет интерес не только как видный ученик марбургской философской школы. В творческом содружестве с Б. А. Фохтом Гордон занимался переводом работы Иоганна Шульца, считавшегося самим Кан-

том лучшим интерпретатором его первой «Критики». Вместе с Николаем Гартманом — еще одним представителем русского неокантианства — он провел сложнейшую работу по отработке терминологии для переводов на русский язык классических философских текстов. Гордон был и интереснейшей личностью, его друзьями по Соловецкому заключению стали Д. С. Лихачев и А. И. Солженицын. Читающей публике он известен как один из персонажей «Охранной грамоты», его именем Борис Пастернак назвал впоследствии одного из героев «Доктора Живаго». Пастернак, грезивший Марбургом, обращался к Гавриилу («Габриэлю») Гордону за рекомендательным письмом к Николаю Гартману. Все имеющиеся сведения о жизни Гавриила Гордона и его творческой деятельности, а также авторские работы сохранили для истории его дети — Георгий Гаврилович Гордон, составивший биографическую справку об отце и сделавший машинописные копии его рукописей, и Ирина Гавриловна Гурова, передавшая после смерти брата все материалы в дар Отдела рукописей Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

В Отделе рукописей ныне хранятся и воспоминания сына профессора Гордона, написанные в 1977 г. и названные «Поездка на Соловки. 1931 год». На страницах воспоминаний Георгий Гаврилович описал поездку к отцу в «Соловецкий лагерь особого назначения», где тот отбывал свой первый срок заключения. Гордону «инкриминировалось, что он "осведомлял Пауля Шеффера о настроениях в кругах троцкистской и других оппозиций"» [2, л. 1]. С Паулем Шеффером, собственным корреспондентом газеты «Berliner Tageblatt» в Москве, Гавриил Осипович познакомился еще в 1906 г. в Марбургском университете и возобновил знакомство с его появлением в Москве в середине 20-х гг.

Официальное разрешение на свидание с отцом в лагере нужно было получить в Кеми. Ответ пришел на шестой день. Жене и сыну Гавриила Осиповича дали три дня общего свидания. Георгий Гаврилович ярко живописует эти дни. «Приближение к Соловкам было очень эффектно. Когда вдруг сквозь серую пелену неба начало просвечивать солнце, а ветер утих, то сразу потешило. Из-за горизонта поднялся монастырь, небо стало пронзительно-голубое, а грязно-зеленое море превратилось в чистейшую лазурь. И я понял чувства, которые при этом испытывают паломники, и понял, почему несколько веков Соловки считаются святым местом. На пристани и по дороге к «Дому свиданий» в глаза бросались чайки, величиной с доброго гуся. Они сидели на деревьях, крышах и просто на земле и время от времени дружно кричали удивительно противными голосами. Папа потом рассказывал, что по еще монастырской традиции чайки были неприкосновенны: они считаются спасителями монастыря» [2, л. 1].

«Дом свиданий» представлял собой одноэтажный деревянный барак, разделенный по длине на две неравные части. В большей из них было с десяток комнат три на два шириной с хорошими матрацами, чистым бельем и рукомойником. Меньшую часть занимала комната свиданий. Снаружи барак был обнесен забором трехметровой высоты с колючей проволокой наверху. Приезжающие на свидание как бы менялись ролями со своими родными — «те были как бы на воле, мы — в заключении». Сам зал свиданий представлял собой комнату приблизительно четыре на двенадцать метров, по всей длине разделенную на две части. В конце свидания происходила передача. Не разрешалось передавать лекарства и деньги.

Таких общих свиданий с Гавриилом Осиповичем у них было два. Благодаря написанному для Никитина (начальника УСЛОНа) докладу о возможности добычи йода из водорослей Белого моря Гордон был «премирован» четырнадцатью днями «личного свидания». На четвертый день пребывания на острове семья перебралась в домик начальника Соловецкой железной дороги Татархана Мисостовича Дударова, главы одной из двенадцати княжеских семей, которым когда-то принадлежал весь Кавказ.

По словам сына, Гавриил Осипович и внешне, и духовно изменился больше, чем можно было ожидать. Чувствовался некоторый надлом, который он объяснял не крахом своей собственной жизни, а сознанием невольной вины перед семьей и страхом за ее дальнейшую судьбу. «У нас с мамой не возникало желания ворошить его «дело», поэтому вопросов мы ему не задавали» [2, л. 5].

Заключенный, получивший личное свидание, автоматически освобождался на это время от работ и от утренней проверки, происходившей в восемь часов утра, он обязан был появляться в шесть часов на вечернюю проверку, проводившуюся во внутреннем дворе монастыря. Заключенных строили в десять (двенадцать) шеренг и несколько десятков надзирателей производили переключку.

Георгий Гаврилович пишет, что они много, особенно в первые дни, гуляли по острову. Расспрашивали отца и мужа обо всех подробностях его жизни в лагере. Сыну Гордона запомнилось несколько людей, которых он там видел. Одним из них был Борис Брик (поэт), с которым Гордон там был дружен и которого обогал Корней Чуковский в «Искусстве перевода», вышедшем в 1936 г. Приблизительно через год после описанной в воспоминаниях поездки Брик отрубил себе топором два пальца и положил их в заранее подготовленный конверт с подписью: «Вам, любящим человечину до черта, посылаю два пальца высшего сорта!» Брика признали психически ненормальным и освободили.

Гуляя близ монастыря, семья Гордона встретила одного очень дряхлого старика. Гавриил Осипович их представил. Этот старик оказался бывшим муфтием Московской мечети. Они с Гордоном по «Ланкастерской системе» обучали друг друга. «Папа его — древнегреческому, а он папу — арабскому. Папа водил меня показывать свое рабочее место — длинную узкую комнату со сводчатым потолком и четырьмя окнами. Я познакомился с самым близким там папе человеком — молодым Лихачевым» [2, л. 7]. После Соловков Лихачев оказался на строительстве Беломоро-Балтийского канала, где выход своей любви к лингвистике нашел в негласном изучении блатного языка окружающих его уголовников. Это его спасло. Набросившуюся на него в бараке шпану он осадил отборной «музыкой», после чего его стали уважать, поскольку владение воровским арго ценилось в этой среде. Узнав об этом, лагерное начальство привлекло его для составления словаря современного воровского языка с пометкой «для служебного пользования охранным отделением». В результате Лихачев составил более двадцати тысяч карточек тюремного жаргона (грамматические особенности, сфера употребления, синонимы). Он присылал Гордону отпечаток статьи из «Трудов Ленинградского университета» под названием «Черты первобытной семантики воровской речи», в которой на материале русского и ряда европейских арго показал, что эти «языки» строились по тем же принципам, что и языки многих африканских народов.

Два или три раза в месяц у заключенных был банный день, тогда же производилась и стирка нательного белья, которое приходилось надевать в полупросохшем виде.

Центром культурной жизни был клуб, переоборудованный из собора. Работала своего рода вечерняя школа для малограмотных. Каждое воскресенье проводилось несколько киносеансов. Гордон говорил сыну, что фильмы смотрело шесть тысяч шестьсот лет заключения (6600), так как в те годы в газетах при описании судебных процессов было принято указывать общий срок наказания для осужденных. При клубе состояла большая театральная труппа, и пьеса В. Катаева «Миллион терзаний», если только он не отдал ее какому-нибудь театру еще до выхода из печати, несомненно, увидела свет именно на Соловках. Был там и симфонический оркестр под руководством П.П. Вальдгарта (бывшего дирижера Одесского, а после и Свердловского оперных театров). Гордон в оркестре играл на рояле партии отсутствующих арфистов.

Позже ссылку Гордону заменили поселением в Свердловске. Там он пробыл полтора года. Работал методистом Областного отдела народного образования и занимался организацией школ в поселках так называемых «спецпереселенцев», то есть попросту высланных на Северный Урал раскулаченных во времена коллективизации крестьян.

На следующий год Елизавета Григорьевна ездила к мужу с дочерьми.

Ирина Гавриловна Гурова, дочь профессора Гордона, — переводчик с английского, редактор. Среди переводов романы "Звук и ярость" У. Фолкнера, "Двойной язык" У. Голдинга, "Гертруда и Клавдий" Д. Апдайка, "Взгляни на дом свой, ангел" Т. Вулфа (совместно с Т. Ивановой), "Ключ от башни" Г. Адэра, "Джен Эйр" Ш. Бронте, "Агнес Грей" и "Незнакомка из Уайлдфелл-Холла" Э. Бронте, "Чувство и чувствительность" и "Гордость и предубеждение" Дж. Остен, рассказы Д. Стейнбека, П.Г. Вудхауса, С. Моэма, Э.А. По и др. Ирина Гурова — лауреат премии "Странник" (2001 г.) за перевод романа С. Кинга "Сердца в Атлантиде".

Ирина Гавриловна вспоминает отца с огромной теплотой, большая часть этих воспоминаний связана с ее ранним детством, поскольку она была младшим и поздним ребенком в семье. «Отец, Гавриил Осипович Гордон, окончил Московский университет, блестяще знал древнегреческий, латынь, французский и немецкий. Студентом был репетитором у Щукина. В то время мы жили на Арбате во флигеле Щукинского дома: три комнаты и совмещенный санузел, куда меня носили на руках»¹.

Как-то Гордон попросил у Щукина займы тридцать рублей, тот дал, а когда Гавриил Осипович отдал, Сергей Иванович повис у него на шее: "Спасибо. Я — миллионер, попроси — я дам. Так нет, берут займы и не отдают". Когда Щукин уехал за границу, в особняке жила его дочь графиня Келлер, хранительница музея. Позже она с мужем и детьми эмигрировала во Францию. Гордон гостил у Келлер во время поездки во Францию в 1927 г.

Ирина Гавриловна вспоминает: «В 1929 году, когда папу сослали на Соловки... Официально — за шпионаж. Думаю, понадобилась наша дача на Николиной горе. К тому же в Марбурге он был знаком с Паулем Шеффе-

---

¹ Здесь и далее записано со слов И.Г. Гуровой в ноябре 2007 г.

ром. В 1928 году левый журналист Пауль Шеффер приехал в СССР, просил разрешения повидать папу, а вернувшись, написал про СССР ядовитую книгу. Я его хорошо помню: он подарил мне шоколадную бомбу. Брат говорил, что основным поставщиком информации для книги был Радек. А после войны вышла книга о шпионаже, в которой была фраза: "Пауль Шеффер, известный международный шпион..." Так вот, в 1929-м, когда мне было четыре года, папу сослали на Соловки, там он сидел в одной камере с Лихачевым».

Когда семья Гордон переезжала с Арбата в Марьину Рошу, Ирина Гавриловна провела месяц на даче у Молотова. Сестра Гордона преподавала на рабфаке и учила его жену. А во время второго ареста Гавриил Осипович прислал для старшей сестры Ирины Гавриловны, которая умерла в 1940-м, свою тетрадь "Введение в философию", которую Ирина Гавриловна впоследствии перепечатала, так как у профессора Гордона «почерк был ужасный». Дочь говорит, что у отца лет в двенадцать был период большой религиозности, позже проснулся интерес к философии. Он переводил Мопассана, редактировал другие переводы. Организовал «Учпедгиз», курсы заочного обучения учителей, работал в издательстве «Academia». У Гавриила Осиповича была колоссальная память, он знал наизусть все литургии. Гордон любил творчество актрис Волоховой (любовь А. Блока) и Гладомещерской. Дружил с А. А. Тарковским и его женой.

Вспоминая мать, Ирина Гавриловна рассказывает, что «она была из Моршанска, ее девичья фамилия Воскресенская, девичья фамилия бабушки Ингерсон. Мой прадед — датчанин приехал в 1836 году в Россию, у него было восемь детей, а после смерти жены он перешел в православие и женился на местной купчихе Томилиной. У них родились шесть дочерей, моя бабушка — вторая. Она вышла за чиновника, отец которого был протопопом Моршанского собора. С маминой стороны: кровь духовенства и купечества, наиболее чистая, плюс еще датская. Мать училась в Тамбовском институте благородных девиц. Вышла оттуда толстовкой, со временем стала убежденной социал-демократкой, была арестована. Во время заседания Думы она обращалась к депутатам с вопросами. Когда умирал Толстой, она поехала в Астапово. Ей подарили прядь Толстого, которая бережно хранилась в семье. Мама обожала Федора Шаляпина. Негодовала, когда в 1939 году вышла заметка о его смерти негативного содержания».

После ареста мужа Елизавета Григорьевна работала кастеляншей в доме для дефективных детей. Потом выяснилось, что советские дети дефективными быть не могут, и это слово из названия учреждения исчезло. А потом — сторожем-пожарником.

В 1929 г. Гавриила Осиповича арестовали. Уезжая в лагерь, Гордон сказал дочери Ирине: «Я поеду в Пушкино, а ты подрастешь и приедешь, ты еще успеешь». Отцу в лагерь мать посылала жамку — мятные пряники. Когда Елизавета Григорьевна Гордон пошла на прием к Надежде Константиновне Крупской с просьбой о муже, она взяла с собой Ирину, полагая, что развитая девочка смягчит Крупскую, под руководством которой Гордон работал до ссылки в лагерь. Но Ирина поразила Крупскую вопросом «Какое сходство существует между печкой и щенками?» Крупская изумилась: «И какое же?» Ирина ответила: «И печку, и щенков топят!»

В 1932 г. Ирина Гавриловна с сестрой Елизаветой и матерью ездил к отцу на свидание дневным ленинградским поездом. Соловки, которые со

времен Петра I называли «К. Е. М.ь», оставили в памяти маленькой Ирины не самое приятное впечатление.

Семья Гордонов 11 мая 1941 г. получила открытку из Угличского лагеря: «До конца срока осталось столько-то дней, столько-то часов...». Но 28 января 1942 г. согласно документам Гавриил Гордон скончался от авитаминоза.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо Гавриила Осиповича Гордона Елизавете Григорьевне Гордон из Сен-Клера от 13.06.1927 г. (с описанием встречи с супругами Келлер)

Дорогой Лизок! Вчера я послал тебе открытку из Авиньона на пути в Тулон. Я выехал вместе с Илюшей¹. Ночью мы проехали Дижон, Лион, Валенс, Тараскон, Марсель. Странно было, проснувшись утром, наблюдать из окна вагона кукурузу, виноградники, артишоки, миндаль. Белые каменные дома провансальцев (бастиды) не имеют окон, а только узкие щелки вроде бойниц, так как иначе в них было бы слишком жарко. Около Марселя я в первый раз увидел Средиземное море и понял, почему им так восхищаются: оно совершенно синее, а дно — песчаное. Скоро мы миновали Гиер, Лаванду и приехали в Сен-Клер.

У железнодорожной станции нас ждали Михаил Павлович², Екатерина Сергеевна и все дети. Мы долго обнимались и целовались, а потом пошли к ним. Земля с садиком (там росли персики, миндаль, кипарисы, эвкалипт, пассифлоры, бугенвиллии, пальмы) площадью 500 квадратных метров стоила им 3500 франков, то есть 280 рублей. Дом (7 комнат с кухней) стоило построить и обставить 6000 франков, то есть около 500 рублей. Итого около 800 рублей. Домик очень милый.

Михаил Павлович очень поседел, но выглядел бодро и свежо. Екатерина Сергеевна похудела, у нее стриженные волосы, и она курит папиросы. Бойзи³ вытянулся, но все такой же прекрасный мальчик. Руфина⁴ и Каллиста⁵ вытянулись и похудели. Руини⁶ из шаловливого толстячка-блондина превратился в степенного, худого шатенчика. Маленький Бэби⁷ изменился больше всех. Живут они очень бедно. Все, кроме Михаила Павловича (он ни на что не способен), работают. Они обрадовались конфетам, которые я им привез, до страсти, так как никогда не едят сладкого. А Екатерина Сергеевна даже прослезилась при виде духов «Коти», которые я привез именно для нее, и ее любимых «Ambre antique». Сегодня я купил детям «Gala-Peter»⁸ и слышал, как потом Бэби заявил по-английски: «Mister Gordon — самый лучший из всех наших гостей». Здесь у них были Сергей Иванович и Иван Сергеевич⁹ и родственники Михаила Павловича. Место, на котором они живут, очень приятное. Но (я им этого не говорю) в Крыму лучше.

Моих скептических соображений не передавая Минорским¹⁰ и Марии Михайловне¹¹, если они будут спрашивать тебя о моих впечатлениях, так как они сейчас же напишут сюда. А я не хочу огорчать Екатерину Сергеевну и Михаила Павловича.

Они ведут очень уединенную жизнь, да кругом и нет никого, кроме французских проприетеров (людей весьма противных) да итальянских огородников и каменщиков, которые называют Муссолини *il homo grande* (великий человек), но в Италию не очень-то едут. Встретил я здесь и одного коммунистически настроенного итальянца, который мне сказал, что Италия — ватер-клозет.

Таким образом и существует эта семья. Самое ужасное, что дети остаются без всякого образования, так как здесь нет школ второй ступени. Бойзи учится путем так называемого «correspondence», то есть по почте пишет в Париж сочинения и решает задачи. Конечно, это суррогат. У меня сжимается сердце при виде их жалких платьиц и обуви и бледных, худых лиц. А они очень хорошие, тихие, работающие дети. Что с ними будет дальше — неизвестно.

Ну, иду спать. Крепко целую тебя и ребяток. Считаю дни, оставшиеся до возвращения домой.

Твой Г.

**Примечания к письму,
составленные сыном Г.О. Гордона — Г.Г. Гордоном [1, л. 2]**

¹ Илюша — сын Екатерины Сергеевны Келлер (Шукиной) от первого брака — Илья Христофоров.

² Михаил Павлович — Михаил Павлович Келлер, второй муж Екатерины Сергеевны.

³ Бойзи (от англ. «boy» — мальчишечка) — старший сын супругов Келлер, настоящее имя Эдуард.

⁴ Руфина — старшая дочь супругов Келлер.

⁵ Каллиста — младшая дочь супругов Келлер.

⁶ Руини — предпоследний сын супругов Келлер, настоящее имя неизвестно.

⁷ Бэби — младший сын супругов Келлер, настоящее имя неизвестно.

⁸ «Gala-Peter» — известный в то время сорт молочного шоколада.

⁹ Сергей Иванович и Иван Сергеевич (Шукины) — отец и брат Екатерины Сергеевны¹.

¹⁰ Минорские — супружеская пара, служившая у С. И. Шукина. Владимир Михайлович Минорский в те годы был комендантом здания Музея новой западной живописи. В 1927 году Минорские, как и мы, жили в Большом Знаменском переулке.

¹¹ Мария Михайловна — в свое время у С. И. Шукина, а после 1917 года в семье Келлер была кем-то вроде экономки.

Список источников

1. *ОР ГМИИ* им. А.С. Пушкина. Кол. 11. Разд. 5. Ед. хр. 11.

2. *Там же*. Ед. хр. 13.

Об авторе

Миронова Кристина Юрьевна — асп. кафедры философии культуры и культурологии Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, mironovaky@mail.ru

About the Author

Kristina Mironova, PhD student, Department of Philosophy of Culture and Cultural Studies, Chernyshevsky Saratov State University, mironovaky@mail.ru

---

¹ Сергей Иванович Шукин был известным московским меценатом, именно он пожертвовал 100 тысяч рублей на строительство Психологического института в Москве.